

Изобретение «удовольствия»: на пути к включающей модальности власти

Голобородько Д.Б.,
научный сотрудник Института философии РАН.
denis.goloboro@gmail.com

Аннотация: На основе анализа курса лекций Фуко в Коллеж де Франс под названием «Аномальные» в статье рассматривается процесс появления в психиатрической мысли и практике темы «удовольствия», которая является логическим развитием темы «инстинкта», рождение которой было рассмотрено в предыдущей части представленного в статье исследования. В частности показывается, каким образом – одновременно с появлением фигуры «анормального» на месте «безумного» – в центре внимания психиатрии оказываются повседневные формы поведения. Эти последние оказываются тесно связанными с сексуальностью и «сексуальной аномалией», которые прежде всего понимаются через тему «удовольствия», не соотносящегося с задачами видового воспроизводства. Вводится тема «включающей модальности» власти, которая будет рассмотрена в дальнейшем.

Ключевые слова: инстинкт, удовольствие, аномальный, безумный, сексуальность, сексуальная аномалия, воображение, психиатрия, власть

Если мы и уделили в Части I нашего исследования¹ столько внимания анализу Фуко случая Генриетты Корнье, то это потому, что мы полагаем, что возможно утверждать: через тему «инстинкта», столь значительной в рассмотренном нами случае, совершается переход от «Истории безумия» к «Истории сексуальности». Именно понятие инстинкта станет для Фуко путеводной нитью, которая будет вести его от анализа безумия к анализу сексуальности. В курсе «Аномальные», в лекции от 12 февраля 1975 года философ отмечает, насколько это понятие инстинкта, при том, что изначально в психиатрическом дискурсе оно играло лишь второстепенную роль, придет к тому, чтобы *«стать принципиальным элементом процесса расширения психиатрического знания и власти, их приумножения, постоянного удаления их границ, почти бесконечного расширения области их вмешательства»*².

Что стоит специально выделить в плане нашего исследования, — это тот акцент, который Фуко ставит на совершенной психиатрией *«патологизации отношений внутрисемейного поля»*, поскольку именно внутри семейных отношений могут быть обнаружены отклонения от нормального семейного порядка: супружеской любви, любви материнской или любви между братьями и сестрами. Он обращает внимание, что при посредстве «инстинкта» психиатрия совершает решающий поворот:

¹ См. Голобородько Д.Б. «По ту сторону репрессивной гипотезы: власть над сексуальностью в теории Мишеля Фуко. Часть 1: Рождение инстинкта», <https://vox-journal.org/content/Vox%2024/Vox24-9-Goloborodko.pdf>.)

² Фуко, Мишель, «Ненормальные. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 году», Санкт-Петербург, «Наука», 2005, стр. 173.

«Вопрос, которым теперь будут задаваться, будет состоять не в том, чтобы найти за инстинктивным (sous l'instinctif) микроэлемент бреда, который позволит включить его под рубрику безумия. Что теперь будут искать, так это — за всяким бредом — мелкое нарушение в игре произвольного (le volontaire) и непроизвольного (l'involontaire), которое может помочь понять процесс образования бреда»³.

Этот поворот, совершенный психиатрией, является в высшей степени значимым. Именно он приведет непосредственно к тому, что психиатрия в своем выборе симптомов, способных выявить душевную болезнь (maladie mentale), сосредоточит внимание на незначительных отклонениях. Отклонениях относительно *порядка*, инстанцией определения которого, — то есть, нормативной инстанцией, — она же и станет. И степень этих отклонений — большая или меньшая — будет устанавливаться в пространстве между произвольным (le volontaire) и непроизвольным (l'involontaire).

«Отклонение от нормы поведения и степень погружения в область автоматического — это две переменных, которые, начиная, грубо говоря, с 1850-х гг., позволяют включить поведение либо в регистр душевного здоровья либо, напротив, в регистр душевной болезни. Когда отклонение и степень автоматизма минимальны, то есть когда поведение соответствует норме и когда оно произвольно, перед нами, в общем, здоровое поведение. Когда, наоборот, отклонение и автоматизм растут (причем, не обязательно с одинаковой скоростью или в одинаковой степени), перед нами болезненное состояние, определять которое как раз и следует как по степени отклонения, так и по степени возрастающего автоматизма»⁴.

Это действительно важный момент для психиатрии, поскольку, когда самое обычное поведение может быть изучено и подвергнуто суждению, то есть можно произвести знание об индивиде, — психиатрия более не нуждается в крайних случаях безумия и невменяемости для того, чтобы установить для себя предмет, на который она бы распространялась. Психиатрия «дезальенизируется»⁵, происходит ее «освобождение». Фуко пишет:

«<...> вследствие этой дезальенизации психиатрической практики, вследствие отмены обязательного соотношения с ядром бреда, с ядром невменяемости, с ядром безумия, то есть после того, как пропадает необходимость в этой сверке с истиной, перед психиатрией и открывается в качестве сферы ее возможного вмешательства, ее симптоматологической оценки область всех возможных поведенческих явлений.

³ Там же, стр. 194. (Перевод исправлен нами — Д.Г.).

⁴ Там же, стр. 195. (Перевод исправлен нами — Д.Г.).

⁵ Этот неологизм можно бы было пояснить следующим образом: до середины XIX века в центре внимания психиатрической мысли и практики находилась идея, что всякое отклонение несет в себе, как выражается Фуко, «ядро безумия, ядро бреда», с которым это отклонение и надо соотносить, чтобы понять его сущность. Центральной фигурой психиатрии был, следовательно, «безумный», «невменяемый». Этой необходимостью соотносить любое отклонение с безумием и характеризуется, согласно Фуко, концепция «альенизма», которая была основной формой психиатрии с конца XVIII до середины XIX века. Слово «альенизм» происходит от латинского «alienus», чужой: безумный в концепции альенизма является как бы чужим самому себе, отчужденным от самого себя своим безумием, которое не может быть понято им самим, но только — психиатром. «Дезальенизация» психиатрии означает ее отход от идеи, что в основе всякого отклонения лежит безумие (о чем Фуко будет говорить в приводимой нами ниже цитате), что означает отход от концепции «альенизма», ее «дезальенизацию».

Благодаря снятию привилегии безумия, этой иллюзии привилегии безумия, невменяемости, бреда и т. п. – то есть благодаря этой дезальенизации – в поведении человека не остается ничего, что так или иначе не могло бы подлежать психиатрическому рассмотрению»⁶.

Отныне психиатрию перестанет по большому счету интересоваться встреча преступления и безумия, этот вопрос станет для нее «обычным делом»⁷. Теперь в поле ее внимания пограничные случаи, незначительные отклонения, мелкие аномальности. В качестве объекта изучения на смену *безумному* приходит *анормальный*. И прощупывать теперь будут именно симптомы аномальности, определяя при этом неявно норму поведения, норму, которая, безусловно, отвечает порядку власти, то есть порядку, который власть хочет видеть в действии. Именно в рамках и благодаря этой встрече психиатрии и незначительного отклонения будет теперь изучаться повседневная сексуальность, а точнее, — сексуальная аномальность. «<...> *поле аномалии*, — замечает Фуко, — *очень скоро, почти с самого своего возникновения, оказывается пронизанным проблемой сексуальности*»⁸.

На этой фундаментальной связи между аномальностью и сексуальностью, которую мы находим в недрах психиатрии, Фуко будет настаивать в Лекции от 19 февраля 1975 года курса «Аномальные». И именно здесь мы наблюдаем то смещение, которое приводит к тому, что *история безумия* становится *историей сексуальности*. Связь между *анормальностью* и *сексуальностью* производится благодаря понятию *инстинкта*., Насколько это понятие занимает исключительно важное место в анализе Фуко случая Генриетты Корнье и насколько его появление внутри психиатрии XIX-го века будет означать переворот первостепенной важности для этой последней, мы показали ранее⁹. Однако инстинкт более не представляет собою бред и не может отсылать к безумию. Аномальный — это тот, кто уступает своему инстинкту. Аномальность — это отклонение по отношению к нормам поведения, в случае Генриетты Корнье — по отношению к ментальным барьерам, преодолеть которые подтолкнул ее инстинкт. Но психиатрия, которая пытается описать это поле аномальности, придет к тому, что для обоснования своего анализ, заинтересуется *наследственностью*, тем способом, которым аномальность укоренена в семейной истории. Однако, согласно Фуко, наследственность предполагает *воспроизводство* (la reproduction) — понятие, которое, несомненно, не может быть прояснено без представления о другом понятии, о понятии *сексуальность*, в паре с которым оно всегда выступает. И именно здесь мы подходим к той принципиальной области, которой будет посвящать свои значительные усилия психиатрия — *сексуальной аномалии*. Ее изучение изначально основывалось на нескольких конкретных, частных случаях, но в конце XIX-го века сексуальная аномалия предстанет внутри психиатрии как «*корень, фундамент, общий этиологический принцип большинства других форм аномалии*»¹⁰. И фигура, в которой в наибольшей степени воплотится эта сексуальная

⁶ Там же, стр. 196. (Перевод исправлен нами – Д.Г.)

⁷ Там же, стр. 199. Именно в этом смысле, то есть поскольку эта встреча представляет для психиатрии уже не крайний, экстремальный случай, а является «обычным делом», психиатрия становится, говорит Фуко, в полном смысле слова *судебно-медицинской* психиатрией.

⁸ Там же, стр. 204.

⁹ См. Голобородько Д.Б. «По ту сторону репрессивной гипотезы: власть над сексуальностью в теории Мишеля Фуко. Часть 1: Рождение инстинкта», <https://vox-journal.org/content/Vox%2024/Vox24-9-Goloborodko.pdf>.)

¹⁰ Фуко, Мишель, «Ненормальные. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 году», Санкт-Петербург, «Наука», 2005, стр. 205.

аномалия, в большей степени, чем «педераст» или «гомосексуалист», это — «мастурбирующий ребенок». Эта фигура, приведет к тому, говоря словами Фуко, «*что можно было бы назвать фикцией тотальной болезни*». «Мастурбирующий ребенок» становится новым монстром, тем более опасным, что это монстр повседневности, вездесущий монстр, воплотиться в котором может каждый. И здесь мы сталкиваемся с характерным для психиатрии XIX-го века феноменом — *патологизацией повседневности*. И она приведет к тому, что Фуко описывает как «*соматизацию следствий мастурбации в речи, в жизнедеятельности, в ощущениях, в самом теле больного*»¹¹ :

*«Мастурбация усилиями самих врачей, по инициативе самих врачей приобрела характер своего рода рассеянной, общей и полиморфной этиологии, позволяющей соотнести с нею, то есть с некоторым сексуальным запретом, все поле патологического, включая смерть. Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что в обсуждаемой литературе постоянно встречается, скажем, идея о том, что мастурбация не имеет собственной симптоматологии, однако ее следствием может быть какая угодно болезнь. Также часто говорится, что время проявления такого следствия абсолютно непредсказуемо, и детской мастурбацией вполне может быть вызвана старческая болезнь. В пределе, умирающий от старости умирает от мастурбации, которой занимался в детстве, и от связанного с нею преждевременного истощения своего организма. Мастурбация постепенно становится универсальной причиной, универсальным происхождением всех болезней»*¹².

Судебная психиатрия предоставляет здесь место семейной психиатрии, но тем не менее задача последней состоит в том, чтобы описать режим нормы и режим отклонения от нормы, предназначение которых состоит в том, чтобы привести — или не привести — к применению коррективных процедур: для «мастурбирующего ребенка» это будет железный пояс, который делает половые органы недоступными для прикосновения, или микстуры, вызывающие болезненные и мучительные телесные повреждения, а также — в еще более «радикальном» ключе — удаление клитора у женщин. Психиатрия вступает в семейную область наиболее насильственным образом, делая из детского сексуального инстинкта в высшей степени опасного монстра, монстра, ужасающего своим случайным характером и могущего привести к любой болезни.

Это понятие инстинкта, — которое появилось вместе с делом Генриетты Корнье, и позволило защите выдать ее за безумную, поскольку ее воля была превзойдена непреодолимым импульсом, — в случае «мастурбирующего ребенка» мы находим уже в виде импульса, который необходимо любой ценой сдержать и победить. И если в случае Генриетты Корнье обнаружение инстинкта позволило ей избежать наказания, то в случае «мастурбирующего ребенка» наоборот, — именно проявление инстинкта влечет за собой наказание, все те более или менее варварские методы сдерживания, которые должны позволить помешать утолению этого инстинкта. Но самый главный момент в этом всем состоит в том, что психиатрия, занимая таким образом свое место в семейном пространстве, придет к тому, что сосредоточится почти исключительно на проблеме сексуальности, и в особенности — на проблеме сексуальных нарушений. Однако, ничто в области сексуальности так явно не выражает аномальность как принцип инстинкта: *«инстинкта, который <...> обречен уклоняться от*

¹¹ Там же, стр. 289.

¹² Там же, стр. 290.

гетеросексуальной и экзогамной нормы»¹³, говорит Фуко, который чуть далее упоминает анализ психиатра Мишеа в отношении случая солдата Бертрана¹⁴ и тот факт, что сексуальный инстинкт превосходит саму необходимость видového воспроизводства:

«...инстинкт обособляется от акта оплодотворения в силу того обстоятельства, что он, по сути своей, производит удовольствие, и это удовольствие может быть локализовано, или актуализировано, в неисчислимом множестве актов. Акт размножения или воспроизводства является — это всего лишь одна из форм, в которых удовольствие — которое является принципом экономии, внутренне присущим сексуальному инстинкту, — будет действительно получено или проявлено. Именно в этой степени, то есть в качестве производителя удовольствия, не связанного от природы с размножением, сексуальный инстинкт может дать место целому ряду поведенческих явлений, которые не подчинены порядку размножения (la génération)»¹⁵.

Для Фуко анализ инстинкта у Мишеа представляется в высшей степени важным, поскольку он приведет психиатрию к открытию еще одного нового и основополагающего для нее объекта. Безосновательное преступление (или преступление без разума) Генриетты Корнье способствовало выдвиганию на первый план понятия *инстинкта*, который, будучи автономизирован и выведен из рамок, в которых свершилось его открытие (то есть тех рамок, где он был представлен как «импульс», который должен позволить придать Генриетте Корнье статус «безумной» и помешать приведению в действие наказания со стороны судебной власти), провоцирует «дезальенизацию» психиатрии. А «безосновательный пол» (или «пол без разума») у Мишеа, то есть пол, который существует вне перспективы порождения, видového воспроизводства, подводит психиатрию к анализу роли *удовольствия*. И именно это понятие удовольствия будет связующим звеном между *анормальностью* и *сексуальностью*:

«Обособление сексуального инстинкта от воспроизводства (la reproduction) обеспечивается механизмами удовольствия, и именно это обособление позволяет определить единое поле отклонений. Не подчиненное нормальной сексуальности удовольствие служит опорой целого ряда аномальных, отклоняющихся, подлежащих психиатризации видов инстинктивного поведения. Так вырисовывается, — чтобы сменить и уже сменя старую теорию умопомешательства (l'aliénation), в центре которой было представление, интерес и заблуждение, — теория инстинкта и его отклонений, связанная с воображением и удовольствием»¹⁶.

Таким образом мы можем наблюдать здесь, что «безумный», новый безумный

¹³ Там же, стр. 330.

¹⁴ Случай солдата Бертрана — имевшее место в середине XIX века дело о некрофилии. В 1848–1849 году солдат Франсуа Бертран (François Bertrand) вскрывал свежие могилы в Париже на кладбище Монпарнас и совершал с трупами ряд сексуально окрашенных действий вплоть до полового акта, после чего расчленял их. Военным судом, рассматривающим это дело, этот случай был признан случаем монomanии. Психиатр Клод-Франсуа Мишеа (Claude-François Michéa) посвятил ему исследование под названием «О болезненных отклонениях полового влечения», которое является одним из первых медицинских анализов «сексуальных перверсий» (см.: Claude-François Michéa, «Des déviations malades de l'appétit vénérien», *L'Union médicale*, 17 juillet 1849). Фуко анализирует случай солдата Бертрана и исследование Мишеа в Лекции от 12 марта 1975 года.

¹⁵ Там же, стр. 342. (Перевод исправлен нами — Д.Г.)

¹⁶ Там же, стр. 343. (Перевод исправлен нами — Д.Г.)

психиатрии, который впрочем более не является «безумным», а именно – аномальный, очень быстро оказывается связан с сексуальностью. Не с той сексуальностью, которая является банальным, необходимым способом порождать себе подобных, давать стране потомство, которое будет запускать заводы, трудиться в полях, производить, а с той сексуальностью, которая не имеет никакой другой цели, кроме самой себя, — «безосновательным полом» (или «полом без разума»). То есть тем же, чем для альенизма являлось «безосновательное преступление» (или «преступление без разума») – той сексуальностью, в центре которой находятся эти два понятия, составляющие ее содержание: воображение и удовольствие.

И в заключение этого надо отметить, что помимо инстинкта, который сыграл важную роль в дезальенизации психиатрии, с появлением темы воображения мы имеем смещение смысла одного понятия, которое играло решающую роль в то время, когда «безумие» было в сердцевине психиатрической науки. До тех пор, пока «инстинкт» не занял того места, на которое мы уже указали, понятием, которое позволяло объяснить безосновательное преступление, было понятие бреда. Мы упоминали его в Части I нашего исследования в связи со случаем Папавуана: под воздействием бреда Папавуан видит в двух несчастных, которых он убивает, двух детей королевской семьи. Его способность представления искажена, и именно это искажение, этот «бред», это «безумие», приводит его к совершению преступления. В данном случае Папавуан — больной, — тот, кто подвержен бреду, деформации своей способности представлять реальное, и кто в качестве такового должен быть объявлен безумным и не подлежащим наказанию (в данном случае однако, и, возможно, постольку, поскольку во эпоху Реставрации его бред превратил его в цареубийцу, Папавуан был тем не менее казнен 25 марта 1825 года). Однако само «воображение», которое появляется вместе с «удовольствием» в качестве одного из центральных понятий в анализе «безосновательного пола», также представляет собой в некотором смысле нарушение способности представления: воображение — это способность как бы переделывать реальное, превращать его в нечто другое, — точно также, как Папавуан, подверженный бреду, превратил двух убитых им детей в представителей королевской семьи. Однако данная аналогия здесь останавливается, потому что Папавуан именно *претерпевает* свой бред, тогда как воображение – это в полном смысле *сознательная* активность, - активность желанная и в отношении которой действующий мысленно субъект является в полной мере господином. Хотя воображение и может «перехлестывать через край», оно тем не менее не допускает сравнения с бредовой, отчужденной – то есть ставшей чужой самой себе – мыслью убийцы Папавуана.

Заключение

Рождение в недрах психиатрической мысли и практики – благодаря появлению тем «инстинкта», «удовольствия» и «воображения» – фигуры «анормального», и его появление на том месте, где ранее находился «безумный», «невменяемый», с точки зрения анализа власти свидетельствует о значительном изменении модальности власти: от *исключения аномалии* она переходит к ее тщательному рассмотрению, особому роду *включения*. Если ранее все формы сексуальности, не отсылающие прямо к «порождению» попадали под рубрику «не-легальных», то есть нарушающих закон, подлежащих наказанию и далее – исправлению, и тем самым, исключаящихся из процесса производства и воспроизводства власти, то теперь, когда центральной фигурой становится «анормальный», сама «аномалия» (в форме, прежде всего, «сексуальной аномалии») – благодаря тому, что она попадает в центр внимания техник власти – приобретает большую *видимость*: она располагается уже не *вне* поля социального воспроизводства (как это было с фигурой «безумного»), а

непосредственно *внутри* него самого. Что вместе с тем влечет трансформацию самих техник власти и появление ее нового типа. Механизмы и характеристики которого мы рассмотрим в следующих частях нашего исследования.

Литература

Фуко, Мишель. «Ненормальные. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 году», Санкт-Петербург, «Наука», 2005.

Claude-François Michéa. «Des déviations malades de l'appétit vénérien», L'Union médicale, 17 juillet 1849.

References

Foucault, Michel. «Nenormal'nye. Kurs lektsii, pročitannyi v Kollezh de Frans v 1974-1975 godu» [*Abnormal. Lectures at the Collège de France, 1974-1975*], Saint-Petersburg, «Science» Publ., 2005.

Claude-François Michéa. «*Des déviations malades de l'appétit vénérien*», *L'Union médicale*, 17 juillet 1849.

The invention of “pleasure”: towards an inclusive modality of power

Goloborodko, Denis. Research Fellow, Institute of Philosophy, RAS

Abstract: In this article, based on Michel Foucault lectures at the Collège de France known as “Abnormal”, we shall analyse the process of emergence, in psychiatric thought and practice, of the theme of “pleasure”. This concept is the logical continuation of the theme of “instinct”, whose development was investigated in the previous part of our research. In particular, we shall show how – while the figure of the “abnormal” replaces the figure of the “mad” – the usual forms of behaviour become the focus of psychiatry. Those forms are in fact strictly bound to sexuality, and particularly to “sexual abnormality”, approached primarily through the theme of “pleasure” unrelated to reproduction. The theme of the “inclusive modality” of power, hereby introduced, will be examined in a further article.

Keywords: instinct, pleasure, abnormal, mad, sexuality, sexual abnormality, imagination, psychiatry, power.